

Анатолий Агарков

Три напрасных года

Электронная версия

Три напрасных года

*Ваше благородие, госпожа Повестка
Для кого ты сапоги, а кому и беска
Другу два по дружбе, ну а мне все три
Не везёт мне в службе – повезёт в любви.*

- Набирается семнадцатая рота! – приземистый майор ткнулся подслеповатым взглядом в список личного состава.

- Абросимов,... Авдюков,... Агарков..., – голос, однако, хорошо поставленный командирский голос, далеко разносился по широкому плацу.

- Бегом! Бегом! Чего ноги волочите, как беременные тараканы.

Подхватив пожитки, мы выбежали на плац.

- В колонну по шесть становись! – рычал офицер областного призывного пункта.

Что делать? – строимся в колонну. Наша задача - подчиняться, а уж кому командовать всегда найдутся. Вон от дверей штаба в нашу сторону направили стопы трое военных в морской форме, с чёрными погонами в зелёной окантовке – старший лейтенант, мичман и старшина первой, кажется, статьи.

Майор закончил орать по списку, осмотрел критически нестройную колонну из девяти десятков новобранцев.

- Равняйся! Смирно!

Махнул рукой подходящему старлею:

- Забирай.

Они обменялись рукопожатием.

Мичман с высоты двухметрового роста орлиным взором окинул наши ряды.

- Подравнялись. Чемоданчики в руки, мешочки на плечо! Прямо ша-ГОМ марш!

Вот это голос! И выправка у него военная – старлей-то с брюшком. А старшина – меланхолик какой-то.

Мы тронулись, пытаюсь шагать в ногу. За спинами родился шум и выплеснулся в свисты, крики, улюлюканье:

- Шнурки!

Во как! Быстро! Пять минут назад плечом к плечу стояли....

Но и наши острословы не остались в долгу:

- Сапоги! Шурупы! Салажня!

Сапоги – понятно. Шурупы – это от пилоток. Салаги? Салаги они и есть.

В электричке, пока добирались с Челябинск-Южного до Челябинск-Главного, познакомились с «покупателями». Старший лейтенант Ежов, он же замполит одиннадцатой роты, объяснил, что предстоит нам службу начать в Отдельном Учебном Отряде Морских Специалистов пограничных войск Комитета Государственной Безопасности при Совете министров СССР. Как записано, так и прозвучало. Что отбирали нас по особым критериям и очень тщательно.

Во-первых, интеллект – выше среднего. Одиннадцатая рота малых катеров, хоть и принадлежит к электромеханической школе, которая готовит мотористов на корабли и электриков, но имеет свою специфику. Кроме пограничной и морской подготовок, дизелей и генераторов, должны мы освоить, знать и применять лоцию, ППСС (правила предупреждения столкновения судов), кораблевождение и много других преинтереснейших наук (например, флажный семафор и азбуку Морзе). Корочки, которые вручают по окончании ОУОМСа, дают нам право обслуживать не только дизеля до 1000 лошадиных сил на всех судах (даже океанских), но и управлять любым транспортным (водным, разумеется) средством на реках и в акваториях портов. Буксиром, например.

Во-вторых, с патриотизмом, нравственностью и законом у нас должно быть всё в ажуре. То есть – не судился, не привлекался, не приводился. В связях, нас порочащих, не замечались.

В-третьих, к здоровьишку претензий нет. Всё тяготы и лишения – без ропота и себе не в ущерб. Не только уметь плавать и воды не бояться, но и качку терпеть, аппетита не теряя, голодать, если потребуется (как Зиганшин, к примеру). Ну и врагу спуска не давать – чтить и преумножать славу наших доблестных предков. Чёрной и полосатой смертью называли фашисты моряков. Не зря, должно быть.

Короче, старлей с нами провёл политбеседу, и наши носы поползли вверх. Ещё бы – элитные войска, надёжа и опора всего могучего Советского Союза. Мы так всё поняли и загордились ужасно. С тем приехали на вокзал, с тем и стояли строем на перроне, желая соответствовать.

Ежов и мичман Титов куда-то пропали. В сторонке курил старшина Пестов. Его меланхолия объяснялась легко и просто – приказ министра обороны нас призвавший, его демобилизовал. Он уже трижды за последние два года побывал дома, приезжая за новобранцами. И теперь его дембельский чемоданчик под отчим кровом в Верхнем Уфалее (город такой в Челябинской области). Осталось – нас сопроводить в Анапу и в штаб за документами. Он теперь в мыслях – гражданский человек, дни считает. Ну а нам – годы и месяцы. Курили в рукав, стоя в строю, хотя, растворись по перрону – Пестов и бровью бы не повёл.

Какой-то бич вокзальный подваливает. Я – крайний, меня и теребит за рукав.

- Слышь, браток, махнём куртками? Вас всё равно в части переоденут, а гражданку в топку.

На мне была штормовка, выдавшая виды – не знаю, чем прельстила.

- Отвали, - говорю. – Буду я твоих вшей таскать.

У меня над ухом за спиной:

- Я отца зарубил! Щас будет тебе куртка!

Бас что надо! Бомжара в бега. Я оглянулся.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО здесь

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php